чики въ извѣстное время проходятъ черезъ стадію развитія дикарей; мнѣ отвѣтили на это, что, если это и случалось, то, вѣроятно, раньше, чѣмъ дѣти попадали въ ихъ руки, такъ какъ у нихъ они всегда слушались разума и бывали неподатливы на разумное воздѣйствіе только до тѣхъ поръ, пока въ нихъ оставались еще слѣды ихъ прежней «дисциплины».

Міръ полонъ неизбѣжной дисциплины, такъ зачѣмъ же прибавлять къ ней еще искусственную? Дисциплина есть уже въ самой трудности того, что вамъ приходится дѣлать,—рѣзать ли твердое дерево, рисовать ли недающіяся фигуры, составлять ли трудныя предложенія; дисциплина есть уже въ усиліи истолковать другъ другу свои намѣренія и подчиниться судьбѣ въ болѣзняхъ или въ неурядицахъ изъ-за дурной погоды. Какую можно къ ней прибавить дисциплину, такъ это дисциплину самообуздыванія, а она нарушается при появленіи учителя ex machina. И можемъ ли мы быть увѣрены въ томъ, что, заставляя дѣтей дѣлать скучныя вещи, мы сколько-нибудь подготовляемъ ихъ къ жизненной борьбѣ?

Господа Ф. не учатъ даже правиламъ вѣжливости: они увѣрены, что самые грубые мальчики пріобрѣтутъ болѣе мягкія манеры, бывая въ «Домѣ игры». И я видѣлъ убѣдительныя доказательства любви между дѣтьми и ихъ воспитателями въ горячихъ поцѣлуяхъ при разставаньи.

Дѣти обсуждали какъ-то вопросъ, почему г-жа Ф. тратитъ на нихъ такъ много времени. «Тетя не получаетъ за это платы,—сказалъ восьмилѣтній мальчикъ (кажется тотъ, который раньше обнаруживалъ наклонность лгать и воровать),—тетя не беретъ платы деньгами; ей платятъ любовью».

Говоря коротко, «Домъ игры» есть мѣсто, гдѣ ребенокъ можетъ проявлять свою индивидуальность и пріобрѣтать опытъ обращенія съ себѣ подобными, гдѣ онъ имѣетъ «свободу дѣйствовать, испытывая на себѣ всѣ послѣдствія своихъ поступковъ». Главная цѣль «Дома игры»—развить иниціа-